

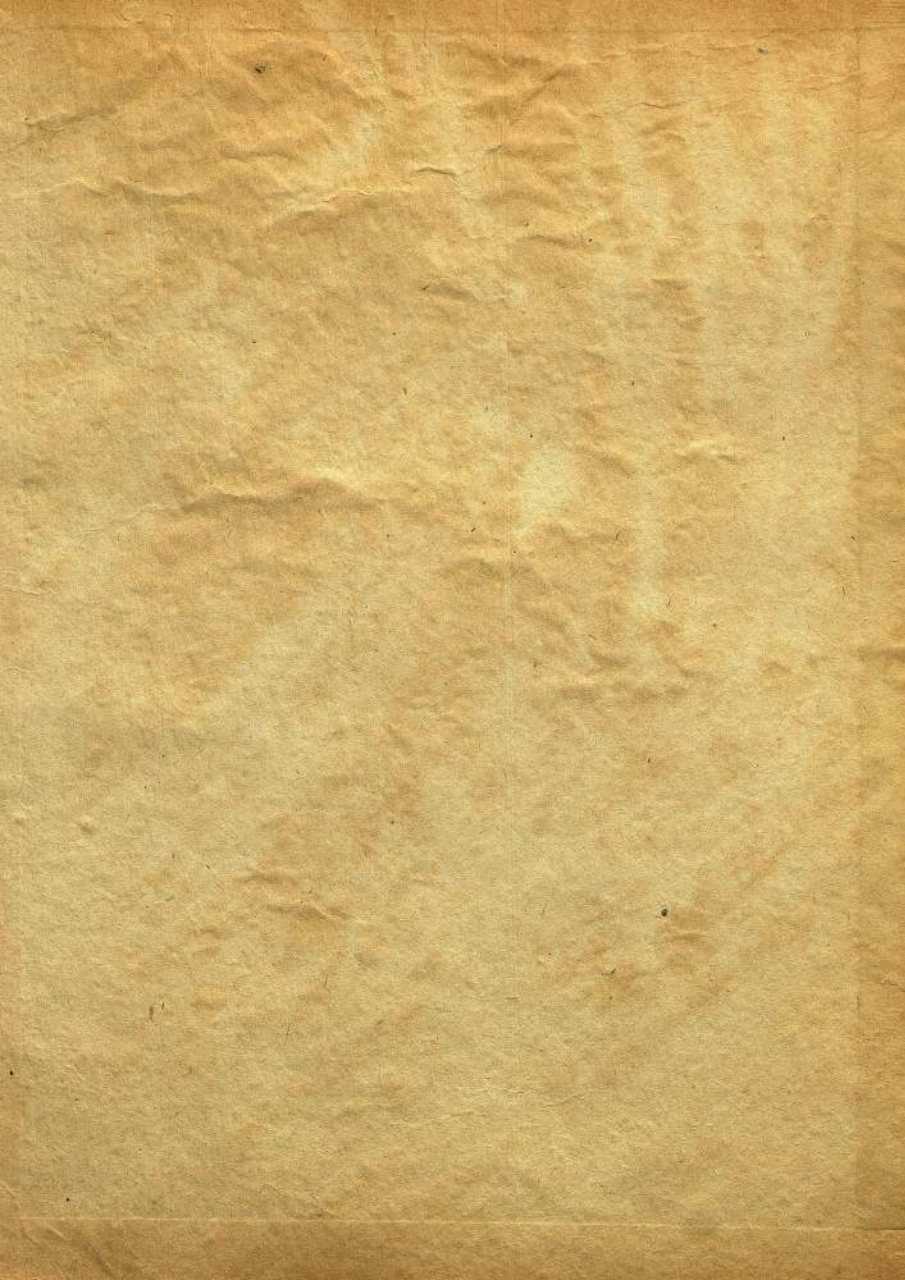
М. ЗВЕРЕВ

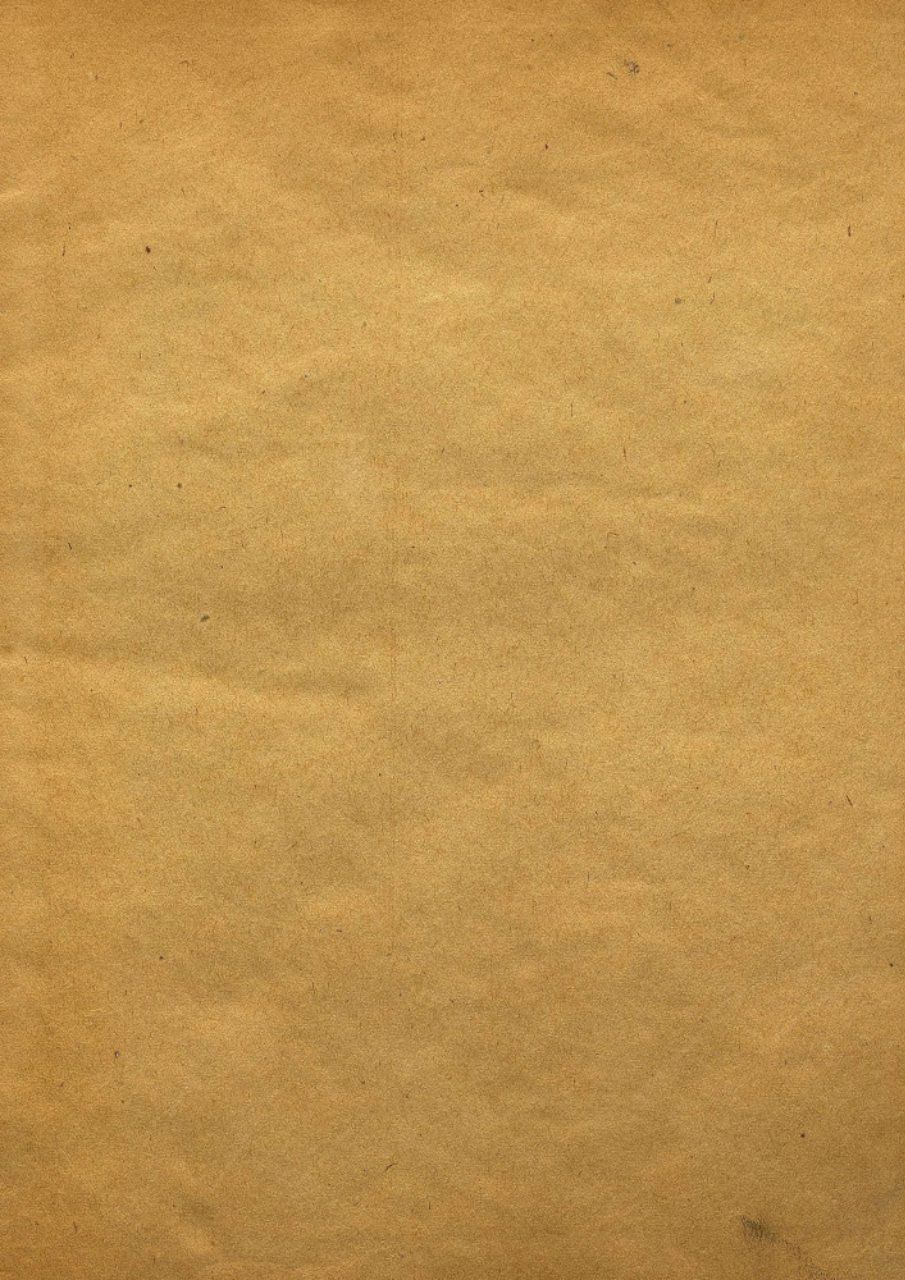
ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

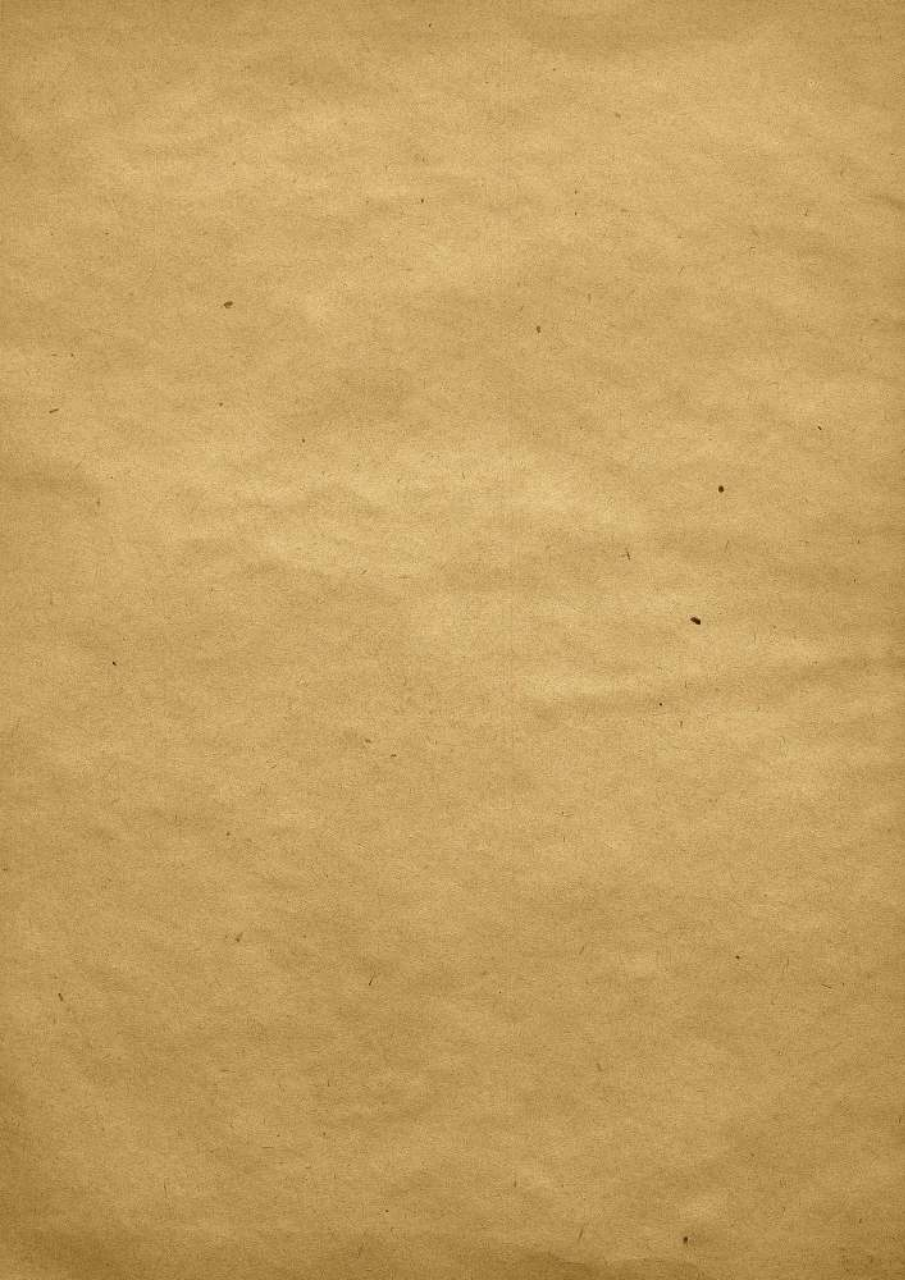

НОВОСИБИРСК 1937

№ п/п	Дата	Вид
Ф 593-45.		
Дата		
Вид		

М. ЗВЕРЕВ

3-433

ЛЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

С предисловием
проф. П. МАНТЕЙФЕЛЯ

Рисунки
А. ТУРКИНА

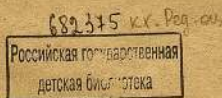
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НОВОСИБИРСК
1 9 3 7

Инструкция Областного
для детей та же
им. 15-річка ВЛК

Муз.
1940

Муз.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Редактор **Е. Филиппыч.**

Техн. редактор **В. Касьянчук**

Сдано в производство 13 февраля 1937 г. Подписано к печати 10/VI-37 г.
Формат 60×92¹/₂. Тираж 20000. Бум. л. 3,75. Печ. л. 6,5+4 вклеек. Учет.-
авт. 6,5. Знак. в печ. л. 14688. Инд. Д-2-6. Издат. № 1831, Новосибирск,
тип. № 1 ЗСКИК. Зак. № 567. Уполномочен № 2231 от 10/VI-1937 г.

Цена 1 р. 75 к. Переплет 1 р.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Рассказы и очерки о животных натуралиста М. Д. Зверева отличаются не только ясностью и красочностью изложения, но и правдивостью. Так может писать тот, кто много дней и ночей провел в лесах, степях, в камышах, где стремился разгадать тайны природы и не один, а вместе с юными биологами и старыми охотниками. Этими наблюдениями автор показал, что от его внимания не ускользало почти ни одно явление в жизни животных, мимо которых проходят сотни людей, не замечая их.

Некоторым писателям особенно трудно бывает, описывая животных, не наделять их человеческими качествами (антропоморфизм). Но с этой задачей автор хорошо справился, резко отмежевываясь от многих других авторов, только засоряющих книжные полки.

В целях углубленного изучения многих биологических вопросов М. Д. Зверев стал одним из самых активнейших организаторов Новосибирского зоосада при Краевой детской станции. В нем, как в необычайной, большой «живой лаборатории» автор с его юными многочисленными учениками продолжает детально изучать животных необятных просторств Сибири.

Настоящая книжка должна не только вызвать интерес к живым богатствам нашей страны, но и показать, как надо их изучать.

Пожелаем, чтобы и другие научные работники последовали этому примеру.

Необходимо помнить, что только научившись правильно понимать явления природы, — мы подчиним стихию воле человека: в социалистическом государстве человек должен уметь управлять природой.

Проф. П. А. Мантейфель.

БЕЛЫЙ МАРАЛ'

1

Цервус родился в густой чаще алтайских кедровых лесов. Хвоя висела над ним, как густой зеленый полог. Ни холодный туман, поднимавшийся с бурной реки, ни знойные солнечные лучи не проникали к нему. Под кедрами было прохладно в полдень и тепло ночью.

Первые часы своей жизни Цервус провел рядом с матерью. Он пробовал подниматься с земли, покачиваясь на своих еще слабеньких ножках, но быстро опускался снова на мягкую, предую хвою. Теплый язык матери нежно прилизывал шерсть мараленка.

Прошла ночь, и утром мать уже оставила Цервуса одного, выбравшись из лесной чащи на поляну. Она постояла несколько минут на опушке леса, втягивая ноздрями воздух и поводя ушами, затем легким галопом направилась к берегу реки. Ей хотелось пить.

Цервус этого не заметил. Он спал. Не видел он и белку, прыгавшую с ветки на ветку. Рыжий зверек уронил шишку и старался рассмотреть, куда она упала. Вместо шишки на глаза ему попался мараленок.

Белка удивилась. Много видела она маралов, но такого — в первый раз. Обычно маралята рождаются темными. Это помогает им скрываться от врагов среди камышей, стволов деревьев и сухой травы. Цервус же родился почти белым.

Видя, что мараленок не двигается, белка сбегала с кедра еще ниже и, раздув трубой хвост, удивленно крикнула:

— Цо-цо-цо-цо!

Цервус проснулся, поднял мордочку и увидел, как огненной лентой мелькнул вверх по стволу рыжий зверек.

Мараленок впервые в своей жизни почувствовал страх. Не видя около себя матери, он жалобно замычал...

И она сразу же услышала зов. Через несколько мгновений мать была около сына.

Скоро Цервус окреп и стал твердо держаться на ножках. Мать заметила это и однажды утром двинулась через чащу, легким мычанием приглашая сына следовать за собой. Пятнадцать-двадцать шагов по кедровой чаще, и мараленок впервые увидел небо, солнце, зеленый луг, цветы...

Шум реки сначала испугал Цервуса. Но когда мать стала пить воду, он подошел поближе и даже попробовал, насторожив ушки, ступить в быстрые пенные струи. Вода была холодна, и Цервус, брыкаясь, выскочил на берег.

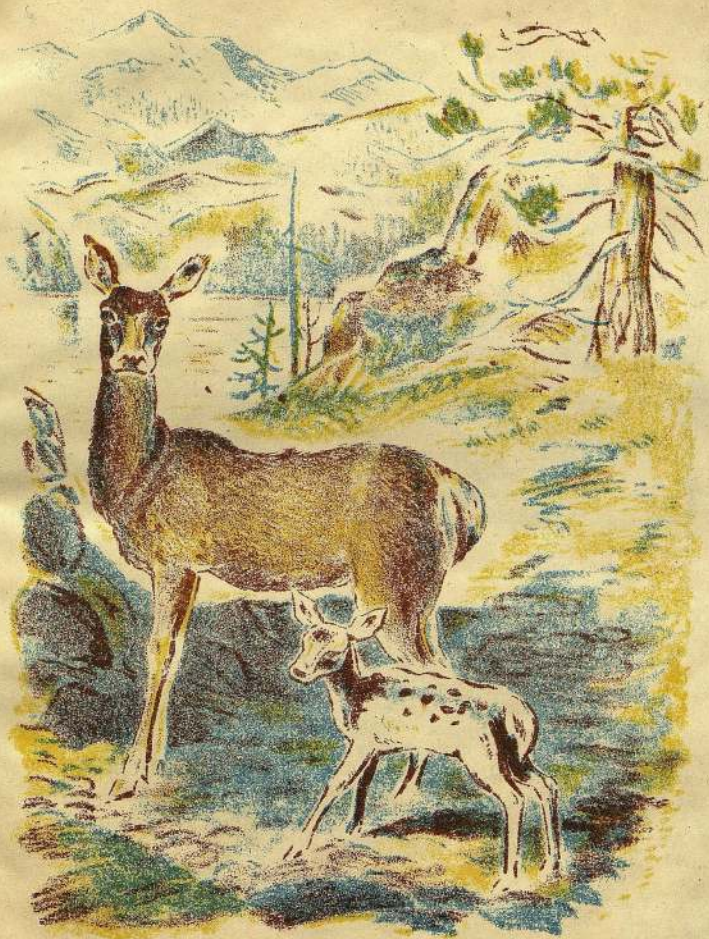
За первой прогулкой последовала вторая и третья. Наконец, маралуха стала подниматься из кедровой чащи выше, в горы, где обычно маралы проводят лето.

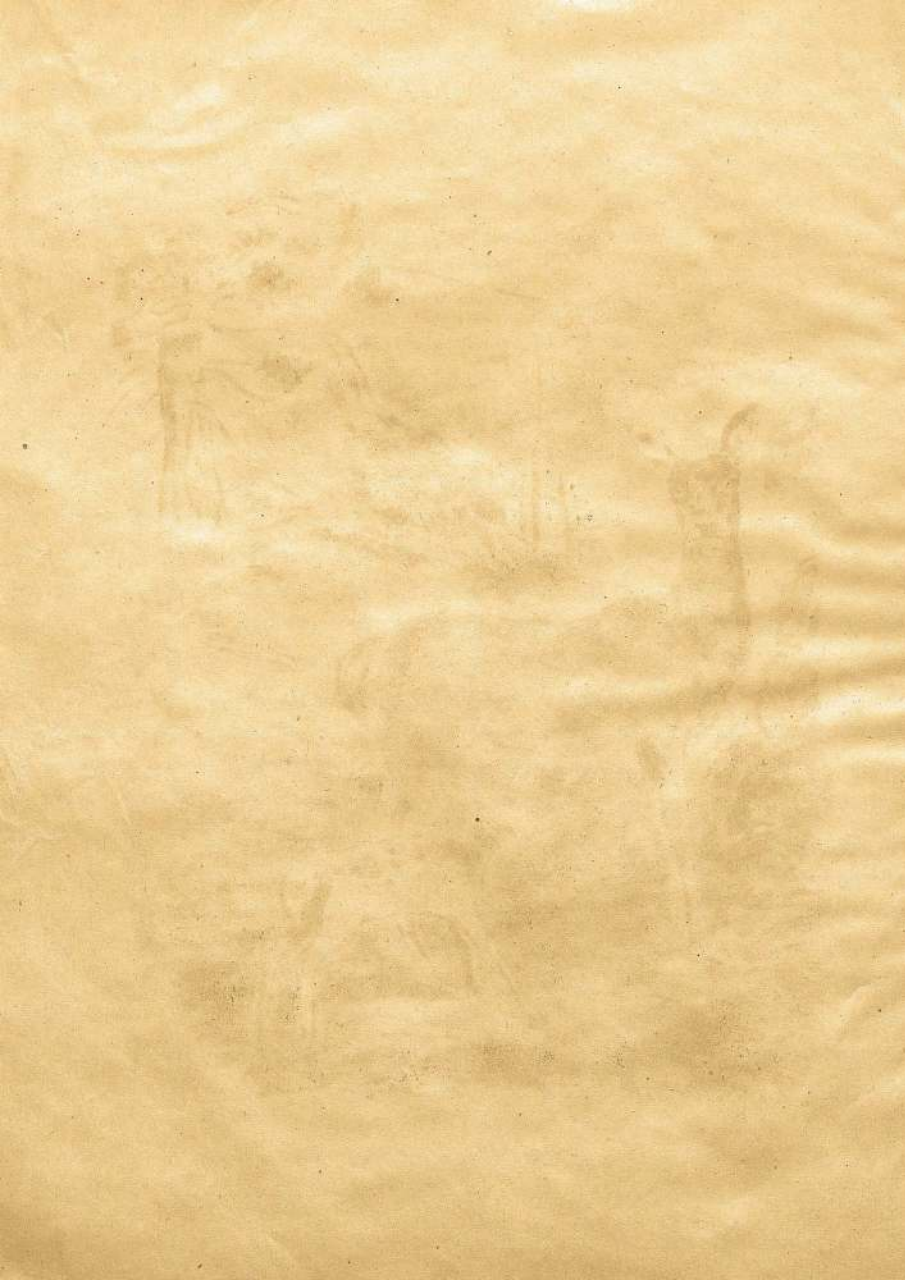
Двинулась она рано утром вверх по реке, поминутно нюхая воздух и прислушиваясь. Дорога вела опушкой леса, и маралуха время от времени рысцой перебегала открытые пространства, где ей и ее сыну на каждом шагу грозила опасность.

Клетот орла заставил ее надолго задержаться под развесистым кедром. А вскоре затем их путь пересек след медведя. Мать в испуге бросилась к Цервусу,

широко раздувая ноздри. След был совсем свежий, только-что примятая трава еще выпрямлялась, и на ней висели капли грязной воды из маленького ручейка, через который перешел зверь. Значит, он был где-то совсем близко.

Бесшумными скачками мать бросилась в сторону, призывая Цервуса последовать ее примеру. Мараленок помчался вперед, напрягая все свои силы, спотыкаясь о камни и корни.

Отбежав подалее от опасного места, маралуха пошла тише, и Цервус мог отдохнуть. Опасность миновала.

Несколько часов шли они, поднимаясь на вершину горы. Наконец, кедры стали реже и ниже, бурная река превратилась в небольшой прозрачный горный ручей.

Под сводами последних кедров мать и сын остановились. Дальше простирались открытые склоны гор, усеянные камнями, заросшие карликовыми березками, мхами, травой. Еще дальше белел снег. Они были на границе Чулышманских белков, на десятки километров протянувшихся с запада на восток. Здесь, вдали от страшных обитателей леса, Цервусу предстояло провести свое детство.

2

Охотник Аманчин ехал белками, разыскивая ушедших в горы лошадей. Вот уже второй день он ищет их около снежных вершин, но потерявшихся животных нет как нет.

Здесь каждый камень знаком старому охотнику. Много лет тому назад Аманчин в первый раз поднялся с отцом на эти белки. Он хорошо помнит торные тропы, проложенные маралами и козами. Стоило по

этим тропам подняться на любой хребет и с него легко можно было увидеть рогатых горных красавцев.

А теперь?.. С каждым годом маралов и коз становилось все меньше и меньше.

День уже клонился к вечеру, и Аманчин начал подумывать о ночлеге.

Вдруг до его слуха донесся лай собаки. По голосу охотник понял, что она лает на зверя.

— Не медведь ли?

Привязав лошадь, Аманчин поспешил вперед. Вскоре он заметил рослую самку марала с маленьким теленком. Собака вертелась вокруг рассвирепевшей матери и не давала ей бежать, кидаясь на отстающего теленка.

Охотник знал, что маралов стрелять нельзя. Он хотел было уже крикнуть на собаку и отогнать ее, как вдруг заметил, что передняя нога маралухи сломана. Предательская расщелина в скалах погубила животное. На трех ногах маралуха вместе с теленком обречена в горах на верную смерть. Аманчину это было ясно, и он решил спасти хотя бы теленка.

Охотник прополз по траве до самой опушки карликовых березок. Дальше ползти было нельзя. Перед ним лежала открытая лужайка. Стрелять далеко. Но медлить тоже невозможно, — matka с теленком, отбиваясь от собаки, уходила все дальше и дальше. Аманчин прицелился. Рука, не знающая промаха, не дрогнула. Грянул выстрел, и самка упала. Но через секунду тяжело раненое животное уже поднялось и бросилось вместе с Цервусом вниз по ущелью к опушке леса. Вслед за ними помчалась собака.

Аманчин ринулся вперед. Вскоре он услышал лай внизу, в кедрачах. Еще немного и охотник увидел маралуху. Она прижалась к стволу столетнего кедра и отгоняла собаку. Искушенный Цервус стоял у ней под брюхом.

Еще раз грянул выстрел. Цервус едва успел отскочить, чтобы не попасть под упавшую мать. Охотник добежал до кедра и, видя, что самка мертва, бросился к теленку.

Цервус не побежал. Низко опустив голову, он отважился вступить в бой с человеком. Но силы были неравны. Через несколько минут мараленок лежал на траве, и волосяной аркан туго стягивал его ножки. А к вечеру его на спине лошади увезли далеко вниз, в долину, где жил Аманчин.

В аиле² охотник пытался кормить мараленка коровьим молоком. Но Цервус чувствовал к нему отвращение и предпочитал траву, растущую около юрты. Однако, после сочной зелени горных лугов его родины, запyleнная трава поселка казалась ему невкусной и жесткой. Она не могла поддержать силы мараленка, и он худел с каждым днем.

На свое счастье, однажды Цервус все-таки решился выпить чашку коровьего молока и этим спас себе жизнь.

Целые дни пленник проводил в загородке для телят, забившись в кучу коры, запасенной для крыши. Но дети охотника ежедневно вытаскивали его из убежища и устраивали «охоту на зверя». Игра заключалась в том, что старший сын Аманчина оттаскивал упиравшегося Цервуса от коры, а другие наваливали на его пути дровни, колоды, жерди. Затем Цервуса отпускали, и он мчался к своему убежищу, легко прыгая через препятствия. В это время на него с боков нападали юные охотники с деревянными ножами, и Цервус подолгу потом зализывал свое избитое тело. А если по дороге он за что-нибудь задевал и падал, ребята с таким криком бросались на «убитого» марала, что из юрты, обычно, выходил сам Аманчин и

его грозный окрик «уч, уч!» заставлял детей поспешно разбегаться.

Несколько раз приезжали к Аманчину гости-алтайцы из соседних аилов. Тогда около убежища Цервуса оказывались лошади. Их запах напоминал мараленку первое путешествие на спине коня Аманчина. Он тогда еще глубже забивался в кучу коры. И все-таки ему пришлось однажды испытать на себе удар копытом. С этой минуты мараленок возненавидел лошадей на всю свою жизнь.

Гости доставляли и еще одну неприятность Цервусу. Аманчин, разгоряченный аракой³, вспоминал про своего пленника и притаскивал его ночью в юрту. Там стоял такой чад от табачного дыма и очага, что Цервус начинал задыхаться. Потные руки гладили его серебристую спинку, — гости удивлялись находке Аманчина.

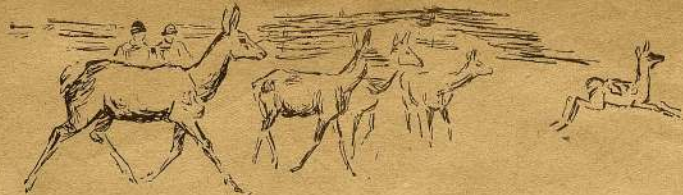
Так, среди волнений и страхов, проходило первое лето жизни молодого мараленка. Приближалась уже осень — самая рабочая пора на Алтае. Охотники отправлялись в тайгу за кедровыми орехами и пушным зверем. Собрался и Аманчин со всей своей семьей. Но перед отъездом он решил позаботиться о судьбе Цервуса. И вот в одно ясное сентябрьское утро мараленок опять оказался на спине лошади. Аманчин повез его в государственный маральник.

3

С Цервуса сняли аркан. Он понесся легкими скачками вдоль забора, подальше от людей в самый дальний угол маральника. Следом за ним, вытянув шеи и насторожив уши, бежали его полудикие сородичи. Когда Цервус остановился, они с любопытством осмотрели новичка. Старая матка осторожно подошла к

Цервусу, внимательно обнюхала его и, наклонив свою лобастую голову, сделала вид, что хочет боднуть его в бок. Цервус отбежал к ее задним ногам. Матка обернулась, опять обнюхала его и, фыркнув, начала чипать траву. Церемония знакомства закончена: мараленок принят в стадо.

Но Цервус все еще стоял на месте. Маралуха напоминала ему мать. Вдруг сильный удар в бок чуть не опрокинул теленка. Он еле устоял на ногах и повернулся против врага. Мараленок его возраста готовился к второму удару. Цервус тоже опустил голову. Лбы маралят со стуком встретились, потом оба бойца отскочили в стороны, чтобы еще раз броситься друг на друга...

Старая матка не обращала никакого внимания на драку. Цервус был крепче своего противника, но изнурительная неволя у Аманчина и неуменье драться заставили его обратиться в бегство.

После этого долго еще злой мараленок изводил своими нападками Цервуса, пока тот не окреп настолько, что однажды одолел противника, загнав его к самым воротам маральника.

Между тем, время шло и наступила зима. Вершины гор уже давно побелели, и снежная пелена спускалась все ниже и ниже. Маралы испытывали странное беспокойство. Они целыми днями бродили друг за другом вдоль высоких заборов маральника, с тоской посматривая на горы. Их братья, живущие на воле, теперь уже давно брели по горным хребтам в далекую Монголию, где снега почти нет и где зима не страшна голодом...

Когда снег засыпал всю долину, ворота маральника открылись, и алтайская лошадь, не привыкшая к упряжке, неловко втащила воз сена, косясь на маралов, похрапывая и прядая ушами.

Воз свалили. Ворота снова закрылись. Старая мат-

ка, жившая в маральнике уже много лет, первая подошла к сено и стала его жевать. Все последовали ее примеру. Свежее сено оказалось вкуснее, чем вытоптанная и запорошенная снегом трава маральника.

Зима с ее морозами и снегом казалась бесконечной. Но вот повеяло первым теплом. Старые бревна почернели от тающего снега. У взрослых самцов появились молодые рога, пока еще мягкие, покрытые легким пухом и наполненные кровянистой жидкостью. Это были те самые панты, ради которых и содержалось все стадо.

Посредине маральника земля уже одевалась зеленой травкой. Снег остался только около заборов. Кругом шумели ручьи, и бешено ревела в своих берегах река, ворочая громадные камни, обдавая брызгами крутые берега.

Высоко в небе то и дело раздавались трубные звуки журавлей, несущихся длинными вереницами на север. Соседний лес зазвенел птичьими песнями. Недоеденный воз сена лежал черной кучей посреди свежей, зеленой травы.

А панты тем временем росли. И вот в самом начале лета ворота открылись, и десять-двенадцать колхозников-мараловодов вошли с арканами в маральник. Старые маралы уже знали, что значит это посещение и стали метаться вдоль забора. Колхозники погнались за ними, стараясь отбить от стада рогатого самца.

С большим трудом был отделен, наконец, молодой бычок с первыми в его жизни пантами. Его погнали в дальний конец маральника, не давая повернуться назад. В этом месте, вдоль стены маральника, была устроена загородка. Она шла сначала далеко от стены, но затем постепенно приближалась к ней, оставляя только узкий проход. В этот проход и был загнан ма-

рал. Вскоре ему уже нельзя было повернуть назад. За ним между бревнами забора и загородки просунули жерди, и марал оказался в станке для резки пантов.

Рабочие ущемили его голову между двумя бревнами. Один из них подошел к станку, и маленькая лучковая пила быстро перепилила мягкие рога у самого основания.

Операция длилась не более полминуты. Затем на голову марала вылили ведро холодной воды, раны присыпали порошком, останавливающим кровь, и марал был выпущен обратно в маральник, чтобы уступить свое место следующему.

4

Прошел еще год. Цервус превратился в крепкого, красивого бычка серебристо-серой масти. Слухи о белом марале разнеслись далеко по аилам и дошли до соседнего курорта.

Курортники и раньше любили приезжать шумными компаниями смотреть на маралов, теперь же они стали бывать здесь по несколько раз. Цервуса фотографировали, рисовали. Но только издали. Все попытки подзвать его поближе не удавались, — он забивался вглубь маральника и недоверчиво поблескивал оттуда черными большими глазами. Старая матка подходила к забору и с аппетитом поедала густо-посоленный хлеб, предназначенный для Цервуса.

Лето опять сменилось осенью, и опять раздались высоко в небе трубные звуки журавлей, покидавших родные просторы. Снова снежные вершины гор словно поползли вниз, покрывая долины белой пеленой. Так же, как и раньше, пофыркивала лошадь с первым возом сена.

К зиме Цервус стал красой всего маральника. Его гордая голова была всегда высоко вскинута кверху. Тело его казалось вылитым из железа. Но всего красивее была его шерсть. Светло-серая, она, как серебро, сверкала на фоне потемневших от времени стен маральника.

В правлении колхоза перебивали все окрестные мараловоды, предлагая за него большие деньги.

В урочный день открылись ворота, и десять-двенадцать колхозников вошли в маральник.

Один за другим проходили маралы через станок. Дошла очередь и до Цервуса.

Когда за ним с криком погнались люди, размахивая кнутами, он весь затрепетал от возбуждения. Бросился в сторону. Повернулся... Снова в сторону. Но деваться некуда. Пришлось забежать в узкий коридор.

Вдруг резкий запах свежей крови ударил Цервусу в нос. Он остановился. Ноздри его широко раздулись, глаза налились кровью. Молодой марал глухо заревел и круто повернулся назад, прямо на людей.

С дикими криками кинулись испуганные загонщики на забор. Под внезапной тяжестью нескольких человек тонкие бревна не выдержали и упали. Цервус прыгнул в этот пролет... Не думая о преследовании врагов, он бросился в лес.

Позади раздался выстрел. Пуля взвизгнула над самой головой марала, но он был уже далеко. Несколько раз мелькнуло за стволами деревьев серебро его шерсти и пропало за поворотом горы.

Цервус мчался по лесу вверх, к белым вершинам гор.

Перед ним с шумом поднимались рябчики. Испуганные белки с громким цоканьем взлетали на самые вершины кедров. А Цервус все неся, прыгая через

упавшие деревья, продираясь сквозь поросли молодняка.

Подъем становился круче и круче. Когда, наконец, лес поредел и Цервус выскочил из-под навеса последних кедров на открытое пространство, он остановился, тяжело переводя дыхание и жадно втягивая ноздрями чистый горный воздух.

Он переступил границы леса. Перед ним расстились альпийские луга его родины.

5

Поздние сумерки спускались на землю. Красноватые стволы кедров перебрасывали свои длинные тени через быструю речку, с грохотом летевшую по камням. Замолкли птицы. Уже не слышно надоедливого крика кедровки, и только одни синички еще попискивают в чаще пихт.

Кажется, ни одного живого существа не видно на поляне. Но если бы внимательный наблюдатель взгляделся в густую чащу кедров, стоявших на самом берегу, он заметил бы глухаря, перебиравшего клювом перья, помятые в драке с другими самцами.

Вдруг глухарь вытянул шею и стал прислушиваться. В глубине леса он уловил какие-то звуки. Осторожная птица подобрала крылья и выбралась из окружающей ее чащи на голую ветку. Лесные жители легко узнают друг друга. Это было запоздалое стадо диких маралов. Они возвращались из далекой Монголии, где проводили зиму. Однако, среди стволов замелькало что-то необычное, светлое. Глухарь с тревожным квохтаньем замахал крыльями и поднялся над лесом. Необычайный цвет животного напугал его.

Но на этот раз старый бородач испугался напрасно. На поляну вышло действительно стадо маралов. Толь-

ко впереди их выступал марал редкостной серебристо-серой масти.

Выйдя на поляну, Цервус остановился. Все стадо мгновенно замерло в неподвижных позах, следя за малейшими движениями вожака. А он стоял, насторожив уши и жадно втягивая ноздрами воздух.

Там, вверху, на много километров протянулись вправо и влево Чулышманские белки — его родина. Сегодня ночью длинный путь будет кончен, и белый марал приведет свое стадо на безопасные пастбища.

Цервус, как опытный вожак, боялся леса. Лишь в крайних случаях глубокой ночью спускался он в долины, пересекавшие его путь.

Маралы всегда все свои переходы делают по ночам. Днем они лежат в безопасных убежищах. Так было и сегодня. Весь день Цервус провел в болоте, поросшем мелким лесом, и только в сумерки двинулся в путь.

Громко фыркнув, белый марал смело подошел к речке и вошел в нее. Белая пена сразу обдала холодком его бока, он уверенно побрел наискосок течения. Стадо последовало за вожаком, и вскоре все были на том берегу.

Только перед рассветом маралы поднялись до границы леса. Цервус был очень осторожен и часто подолгу стоял на одном месте, прислушиваясь к ночным шорохам. Лишь убедившись в безопасности, он успокоительно фыркал и двигался дальше. Маралы, как тени, следовали за ним.

Уже на самой опушке леса запах свежего конского следа дошел до чуткого носа Цервуса и заставил его остановиться. Другой марал, пожалуй, не обратил бы на этот след никакого внимания. На белках им нередко встречались табуны лошадей, выпускаемых на альпийские пастбища на все лето без всякого присмотра. Но у Цервуса с запахом лошадей было связано слиш-

ком много неприятностей. Он предупреждающе фыркнул. Неподвижное стадо совершенно затихло. Можно было находиться в десяти шагах от маралов и не слышать ни единого звука. Даже тяжелое дыхание от крутого подъема прекратилось. Не двинулся ни один мускул. Только горели глаза, впившись в фигуру вожака...

Но вот Цервус с тревожным фырканием метнулся в сторону, и громкий треск пошел по всему лесу. Стадо мчалось за вожаком.

Пройдя несколько километров, Цервус решился выйти на тропу. И опять он долго и безмолвно втягивал в себя воздух, а маралы, вытянувшись длинной лентой, тревожно ждали.

Уже совсем рассвело, когда они поднялись, наконец, на свои летние пастбища.

6

Старый Аманчин знал повадки маралов не хуже самого Цервуса. Он уже не одну ночь провел около их троп на горных хребтах, ежась от холода и жадно прислушиваясь, — не возвращаются ли маралы со своих зимовок в Монголии.

Но и эту ночь Аманчин безуспешно провел на своем посту на горной тропе маралов.

Когда же он, голодный и злой, утром возвращался домой, то вдруг наткнулся на свежий след прошедшего ночью стада. Долго стоял на месте Аманчин и никак не мог понять, что могло испугать маралов и заставить их свернуть с тропы.

Он слез с коня и начал рассматривать следы. Так и есть! Крупные следы вожака резко выделялись среди других следов стада. Он сразу узнал их. Недаром же несколько лет ходит по ним Аманчин в тщетной

Нятусяна Областна библиотека
дла дітей
ім. 15-річчя ВЛКСМ

682345
Российская государственная
детская библиотека

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТЕЙ
ДЕТРИВА

надежде поймать своего бывшего воспитанника. Сотрудник Новосибирского зоопарка, вот уже третий год останавливающийся на курорте в долине, обещал ему за белого марала такие деньги, о которых Аманчин не смел и подумать. Однако, Цервус был неуловим. На зиму он уходил отсюда, а лето проводил в одиночестве, как и все взрослые самцы, на самой границе снегов, где его светлая шкура сливалась с серыми скалами и снегом. Марал не раз видел старого охотника, пробирающегося в горах. Зверь замирал без движения на месте, и Аманчин проезжал мимо.

Не мало и других опытных охотников старались поймать белого марала.

Однако, выросший среди людей, Цервус научился многому, чего не знали другие маралы, и счастливо избегал опасности.

Аманчин вернулся в свой аил пешком. Лошадь убежала домой, пока он рассматривал следы прошедшего ночью стада маралов. От побоев раздосадованного Аманчина ее спас только зоолог, приехавший из Новосибирского зоопарка.

Аманчин сообщил гостю, что белый марал опять появился на белках. Зоолог заинтересовался. За вечер они передумали десятки способов поимки Цервуса.

7

Вкусны и сочны травы альпийских лугов Адтая. Но в них очень мало соли. Вот почему к середине лета у маралов начинает портиться пищеварение, и даже их носы становятся не такими чувствительными к запахам.

Выход один — спуститься вниз, в долину и там искать солонцы — места, где соль выступает на поверхность земли, в виде ржавых или сероватых пятен.

Цервус в один из вечеров пошел вниз по ущелью, через чащу леса.

К утру он уже был в долине, недалеко от солонцов.

Но солонцы привлекают не только маралов и диких коз. Все лето алтайцы пригоняют сюда свои стада или же увозят отсюда на телегах и вьюками драгоценные глыбы соленой земли к себе в горы.

Солонец, к которому шел Цервус, лежал на открытом месте. Белый марал задержался под навесом последних деревьев. Здесь оказалось еще несколько маралов. Солонцов поблизости не было, и они случайно собрались вместе. Запах соли раздражал животных. Но недалеко паслись табуны овец и раз'езжали всадники.

Выйти из леса было невозможно.

Когда стемнело, Цервус первым покинул засаду в лесу и направился к солонцу.

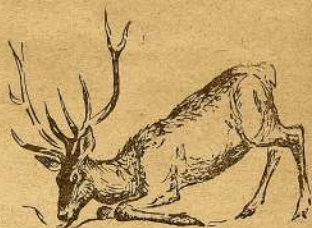
Обгоняя друг друга, маралы бросились вслед за ним. Упав на колени, они жадно лизали и грызли соленую землю.

Если бы Аманчин был близко, он мог бы наконец увидеть белого марала.

Но опасность ждала Цервуса не только со стороны его прежнего хозяина. Старый браконьер¹ Мусса, не менее опытный, чем Аманчин, тоже хорошо знал обычай маралов, знал, что именно в это время года им особенно нужна соль...

На пути в долину хитрый охотник ежегодно устраивал искусственные солонцы. Он сверлил колом отверстия в земле и насыпал в них соли, в 40 шагах от этого места устраивал низенький шалаш.

Несколько ночей просидел Мусса в шалаше. И все напрасно. Но он был терпелив. На рассвете четвертого дня до чуткого уха охотника долетело похрустывание валежника.

Затаив дыхание, охотник замер. Однако, ни малейшего шороха больше не долетело до него. Мусса начал подумывать, что ему померещилось. Он высунул голову из шалаша и вздрогнул. Шагах в тридцати от него стоял белый марал, ярко залитый светом полной луны. Кругом него чернели фигуры других маралов.

Дрожащими руками поднял Мусса винтовку и прицелился. А Цервус, не подозревая опасности, стоял на месте. Его обоняние, притупленное от недостатка соли в пище, смутно говорило об опасности, но ветерок относил запах человека.

Мусса выстрелил.

Маралы бросились в горы, ломая валежник, перелетая через сваленные деревья и камни.

Все выше и выше поднимались они на белки, подалее от страшного леса.

Их было одним меньше. Но Цервус был с ними.

8

Лето сменилось поздней осенью. Все попытки поймать Цервуса и в это лето оказались безрезультатными.

Перед отъездом с Алтая зоолог Новосибирского зоопарка все-таки решил устроить еще раз облаву на белках, хотя и плохо верил в то, что ему удастся перехитрить белого марала.

— Впрочем, попытка — не пытка!

Десять загонщиков во главе с самим Аманчином двинулись в горы искать Цервуса.

К этому времени маралы уже соединились в одно стадо. Еще неделя-другая и пора было двигаться в путь.

Крупные следы, найденные Аманчином среди других, доказывали, что в стаде находится белый марал.

Два гонца поскакали в долину, а старый охотник до самой ночи пробирался по белкам по свежему следу, один, оставляя на своем пути всякие отметины. Ночь Аманчин провел у самого снега, на вершине горы, не разводя огня и пощелкивая зубами от резкого осеннего ветра. Утром он осторожно двинулся по следу дальше.

Поднявшись на хребет, он увидел стадо. Маралы мирно паслись, разойдясь по склону. Молодые телята весело прыгали и бодались. Часть маралов лежала, пережевывая жвачку. Только Цервус был настороже. Он все время озирался, держась подальше от опушки леса, черневшего внизу.

На этот раз Цервус не замечал, что из-за гребня горы за ним следят глаза врага. Не заметил он и остальных охотников, расположившихся с другой стороны хребта.

Маралы между тем улеглись на отдых.

Рядом с головой Аманчина из-за гребня показалась голова зоолога. Глаза его впились в фигуру белого марала.

План охоты составили быстро. Загонщики должны были зайти стороной, издалека в лес, который был ниже маралов, и по сигналу выйти широкой цепью на опушку. Маралы, конечно, бросятся вверх. Как раз от того места, где отдыхало стадо, наверх шла лощина, поросшая редкими деревьями. Было ясно, что маралы пойдут именно по лощине: гребней и открытых мест при преследовании они избегают. Вверху, в конце лощины, встали с ружьями охотники. Зоолог, потеряв всякую надежду поймать белого марала, решил стрелять его по ногам дробью, чтобы потом настичь его, связать и, вылечив, доставить в зоопарк.

Все было рассчитано как нельзя лучше. Именно в лощину и бросился Цервус при появлении загонщиков. Легко прыгая через камни, помчались маралы

вверх по ложине за своим вожакom. Но вот легкий ветерок донес запах людей, стоящих вверху, и заставил белого марала остановиться. Он предостерегающе фыркнул, и вслед за ним замерли на месте остальные, боязливо озираясь назад.

Однако, Аманчин предвидел, что Цервус может почувать охотников, и потому велел двум всадникам, как только маралы войдут в ложину, показаться из-за гребней с обеих сторон. Сзади будут загонщики, с боков — всадники... Маралам останется только броситься вперед.

Но запах невидимых людей впереди был слишком угрожающим и удерживал Цервуса. Между тем загонщики уже вошли в долину. Маралы были в западне.

Несколько молодых не выдержали и бросились в сторону, не смея бежать впереди вожакa. Но тотчас же облачко дыма окутало фигуру одного из всадников, и по ложине прогремел выстрел. Маралы вернулись к стаду: один из них мычал, мотая окровавленной головой.

Загонщики были совсем уже близко, а Цервус все еще топтался на месте.

И вдруг гортанные крики охотников, запах свежей крови заставили его, как когда-то в маральнике, броситься на людей, гнавших его.

Неудержимое бешенство охватило белого марала. Его мощные передние ноги судорожно рыли землю, белая пена хлопьями летела изо рта... Глухой рев огласил ложину, и громадное животное, низко опустив голову, вооруженную великолепными рогами, бросилось прямо на загонщиков. Все стадо слепо последовало за вожакom.

Ужас охватил охотников, когда они увидели белого марала, с глухим ревом мчавшегося прямо на них. Как кошки, бросились они к деревьям и полезли на них...

Цервус остановился под одним из кедров, вращая налитыми кровью глазами. Мчавшиеся за ним маралы, не рассчитав остановки, налетели на вожака, сшибли его с ног и устремились в лес. Цервус вскочил, фыркнул и неторопливой рысью побежал вслед за стадом.

Загонщики сидели на деревьях, а зоолог из Новосибирского зоопарка громко бранился.

Белый марал опять ушел от него. И на этот раз навсегда. Он увел свое стадо в другие, более безопасные места.

НОЧЬ В ТАЙГЕ

Жаркий полдень. Над поляной, заросшей высокими сочными травами, словно висит густой запах смолистой хвои, цветов и таежной сырости. Только тяжелые шмели и пчелы звонко разрезают крылышками при- тихший от зноя воздух.

Зато в прохладе у реки жизнь не замирает ни на минуту. Маленькие кулички-песочники в погоне за мушками бойко бегают по отмелям. Кедровка, широко раскрыв клюв, бесшумно слетает на берег и, на- пившись, купается, трепеща крыльями.

Прозрачная вода до самого дна пронизана лучами солнца. Среди камней неподвижно стоят красивые гор- ные рыбки — хариузы. Они отдыхают после утренней охоты за жуками и мухами, упавшими на тихую гладь реки.

Но вот из таежной глуши долетел треск валежника и тяжелое пофыркивание.

Кедровка, намокшая от купанья, с трудом взлетела на нижние ветки кедра. Отряхиваясь и быстро пере- скакивая с сучка на сучок, она взобралась на самую вершину дерева.

Что случилось?

На отмель реки, тяжело дыша, вышел крупный лось. Вокруг него гудели оводы и слепни. Десятки их сиде- ли на его спине и боках. Лось, прядая ушами, пересту- пал с ноги на ногу и осторожно оглядывал местность.

Лосю было не по себе. В знойный полдень слепни проникли в самую густую чащу, куда он пытался с утра укрыться от них. Они заставили его обратиться в бегство. А в жаркий, душный полдень мчаться по лесу слишком тяжело. Единственное спасение — вода.

Глубоко увязая в тине, он грузно вошел в реку и легко поплыл на противоположную сторону.

Однако, зверь не вышел на землю. Он остановился в нескольких шагах от берега. Над водой осталась только часть его головы. Издалека, даже зная, где находится лось, почти невозможно было различить его среди ветвей и прибитого к берегу хвороста.

Прошло полчаса, час. Лось неподвижно стоял, полукрыв глаза, изредка взмахивая ушами.

Жара скоро должна была спасть.

Казалось, ничто не нарушало спокойствия тайги, млевшей под горячими лучами солнца. Однако, уши лося вдруг беспокойно задвигались и замерли, напряжались.

Он услышал резкий и настойчивый крик кедровки за поворотом реки. Два крохотных стремительно пролетели над водой по течению реки и скрылись внизу за лесом. Вслед за ними с громким писком снялись с отдели и полетели кулички.

Что-то неладное.

Действительно, из-за поворота реки быстро выплыла лодка с двумя охотниками.

Могучим усилием вырвал лось свои ноги из тины. Одним броском он вынесся на берег, подняв каскады брызг и грязи. Через несколько мгновений он уже мелькал под сводами прибрежных кедров.

На реке грянул выстрел.

Пуля глухо шлепнулась в ствол дерева, заслонившего лоса от смерти.

Ровной, крупной рысью, ломая валежник и мелкую поросль, уходил зверь глубже в лес.

Над рекой медленно расплзался сизый дымок. Охотники плыли дальше, вниз по реке, громко споря и обвиняя друг друга в неудаче.

А через несколько минут на реке все было попрежнему спокойно. О только-что разыгравшемся событии говорили лишь глубокие следы в прибрежной грязи да свежая пробоина в коре кедра, на которой уже выступила янтарная капля смолы.

А лось все еще мчался по тайге. Оводы и слепни покрывали его тело, как только он замедлял ход. От укусов во многих местах выступила кровь. Избавлялся от надоедливых насекомых он только в самой густой чаще.

Под вечер напуганный лось оказался уже в незнакомой местности: он спешил как можно дальше уйти от реки, где только случайность спасла его от смерти.

Заросшая лесом долина, по которой он двигался теперь, сразу сузилась. С обеих сторон сошлись в угол обрывистые склоны гор. Лось на всем бегу должен был остановиться, глубоко взрыв передними ногами мягкую сырую землю. Перед ним чернела изгородь. В самом узком месте долина была перегорожена.

Лось не повернул назад, а бросился, ломая кустарники, вдоль изгороди, выискивая место, где он мог бы прорваться через нее. И вот кстати — небольшой проход в заборе.

Не подозревая опасности, лось смело вошел в предательские ворота. И сразу же его передние ноги потеряли под собой почву. Зверь с тяжелым стоном рухнул в глубокую яму, вырытую в воротах и искусно прикрытую хворостом.

Лось упал прямо на голову, но тотчас поднялся. Его первым движением был отчаянный прыжок вверх. Однако, стенки ямы были высоки, и лось снова упал назад, на дно. Дикий смертельный ужас овладел жи-

вотным. Он начал бешено биться. Голова его несколько раз далеко высывалась из ямы. Но только на мгновение. Через секунду он снова падал вниз, чтобы вскочить для нового прыжка.

Яму вырыл опытный охотник. Дно ее было значительно шире отверстия, стенки шли наклонно, сужаясь вверх. Чтобы края ямы не обсыпались, они были укреплены бревенчатым срубом.

Долго бился лось. Наконец начал слабеть. Уши у него беспомощно опустились. Глаза потускнели. Дыхание вырывалось с хрипом. Он уже не делал прыжков, а топтался на месте на дрожащих ногах, слегка подпрыгивая, как бы танцуя. Наконец, он окончательно затих и, прислонившись к одной из стен, тяжело дышал, полускрыв глаза и опустив уши.

Душный жаркий день угасал, тайга оживала.

Крошечные птички — пеночки с громкими криками летали у самых вершин кедров. Они то и дело парили в воздухе на одном месте около зеленых, липких шишек и ловили насекомых, привлеченных запахом молодых орехов.

Полосатый бурундук с пушистым хвостом показался из-под корня дерева. Посидев столбиком около норы и оглядевшись, он быстро перебежал полянку, направляясь к траве, смятой ногами лося. Усевшись на задние лапки, зверек быстро начал набивать свои защечные мешки еще не совсем созревшими семенами пучки.

Через несколько минут бурундук выглядел совсем забавно. Голова его словно раздулась, — так туго были набиты защечные мешки. Зверек направился к своей норке. Вдруг навстречу ему выскочил второй бурундук и тоже с добычей в защечных мешках. Зверьки злобно засверкали друг на друга глазами и быстрым движением лапок вытолкнули запасы из защечных мешков.

Однако, разразиться горячей драке помешал внезапный шум, который заставил их свистнуть и броситься в разные стороны. Один спрятался в норку, другой влез на дерево. Вбежав повыше, любопытный зверек стал выглядывать из-за ствола, выставив одну только голову.

Через поляну, вдоль забора, легкими скачками пронесся напуганный дикий козел. Он так же, как и лось, искал прохода в изгороди. К счастью для него первая же яма, которую он встретил, оказалась занятой. Козел шарахнулся в сторону и исчез в лесу, изменив направление.

Вслед за козлом пробежал заяц. Кто-то приближался, и от него спасались лесные обитатели.

Между тем, наступили полные сумерки. Шум речки, бегущей у скал, становился все слышней. С горы раздалось протяжное, сдвоенное уханье филина. Откуда-то издалека ответил другой. Над поляной неровным, виляющим полетом зачертили летучие мыши. Внизу в траве злобно запищали вечно голодные землеройки.

Тревожная лесная ночь сменила жаркий день.

Бурому медведю положительно не везло сегодня. Началось как будто хорошо. Под вечер он нашел на дереве в дупле пчел.

Запах меда разжег аппетит и, не задумываясь долго, зверь проворно полез на дерево, облизываясь и глотая слюну.

Но дупло помещалось высоко над землей, а отверстие было очень мало. Держась тремя лапами за ствол, медведь стал разворачивать когтями дупло. Однако, дерево было еще крепко и плохо поддавалось медвежьей лапе. Пчелы тем временем с угрожающим гуденьем вылетали в отверстие. Вскоре три жгучих укуса в нос, в глаза и в губу заставили медведя рывк-

нуть и отмахнуться лапой. В следующий момент он, как мешок, полетел на землю, сорвавшись с дерева.

Однако, укусы пчел не могли остановить лакомку. Недовольно урча, он снова полез на березу. Вскоре вся морда зверя была изжалена. Не осталось ни одного живого места. Между тем, добраться до меда упрямец все еще не мог. Рыча, срываясь и вновь залезая, медведь яростно скреб дупло. Дыхание его участилось. Он высунул язык.

Конец охоте за медом положила пчела, больно ужалившая медведя в кончик языка. Зверь грохнулся на землю и бросился в чащу леса с жалобным ревом. Пчелы победили.

С этого и начались неудачи дня.

От запаха меда и после возни на дереве медведь почувствовал приступы голода. Как нарочно все встречавшиеся на пути муравьиные кучи были давно разрыты, яйца муравьев съедены, а вкусных корней и луковиц в этой части тайги не было.

Медведь вышел на берег речки, забрел на перекате в воду и стал ждать.

Весной он хорошо полакомился здесь крупной рыбой, поднимавшейся вверх по реке метать икру. Тогда, стоя на перекате, он без конца выбрасывал на берег добычу и тут же пожирал ее.

Однако, на этот раз ожидание было напрасно. Ход рыбы закончился, а бойкие, неуловимые хариузы только дразнили неудачника.

Потеряв напрасно время и вконец проголодавшись, медведь вышел на берег, тоскливо оглянулся на реку и побрел в тайгу.

Всю ночь он ничего не мог добыть. На рассвете, голодный и злой, направился к ямам, накопанным охотниками вдоль забора для ловли лосей, коз и маралов. На днях в одной из них он нашел упавшего козла. Тогда он был сыт и поэтому съел только самые вкус-

ные места, остальное же мясо оставил в яме, забросав землей и хворостом.

Но не повезло и тут. В яме медведь нашел одни кости. Другие хищники в его отсутствие успели позаботиться о припрятанных запасах. Наглых воров не испугали глубокие царапины на стволе кедра, которые сделал медведь, поднявшись на задние лапы и вытянувшись во весь рост.

Медведь сердито зарычал, обнюхав следы рыси у ямы, и, тяжело ступая и похрустывая валежником, побрел вдоль изгороди.

Резкий запах лося заставил медведя внезапно остановиться. Жадно нюхая воздух, он стал тихо пробираться вдоль забора. Хруст валежника и сопенье сразу прекратились. Громадная черная тень, казалось, поплыла по воздуху...

Но чуткий нос и слух лося уже давно известили его о приближении врага. В другое время могучее животное заставило бы медведя обратиться в бегство. Удары его рогов и, в особенности, передних ног не знают равных себе в тайге. Теперь же все преимущества были на стороне хищника.

Медведь остановился в нескольких шагах от ямы, на уровне краев которой виднелась голова лося.

Громадные рога, налившиеся кровью глаза и дыбом вставшая шерсть на мощном загривке несколько охладили пыл медведя. Он ни за что не решился бы напасть на такого громадного быка в лесу. Однако, беспомощное положение лося ободрило хищника.

Глухой рев огласил долину, и медведь бросился на спину лося.

Тот на мгновение опустился в яму и бешено ударил вверх рогами, подпрыгнув впервые так высоко, что чуть не зацепился передними ногами за край ямы.

Хищник отлетел в сторону. Только случайно его живот не оказался распоротым острыми глазными от-

ростками рогов. Зверь неистово заревел от боли и бешенства. Его рев пронесся далеко по долине в чистом воздухе наступающего утра и заставил тревожно насторожиться лесных обитателей.

Задыхаясь от ярости, медведь снова бросился на лося. Ловко увертываясь от рогов, он старался нанести удар своей лапой. Но всюду его встречали рога и маленькие глаза под ними, выпученные от ужаса и гнева. Тело лося устроено так, что передняя часть его значительно выше задней, поэтому медведь никак не мог нанести удар по незащищенной части.

Неудачи взбесили медведя. В ярости он обрушился на забор, мешавший ему свободно двигаться вокруг ямы. Толстые жерди, как спички, разламывались и далеко разлетались по поляне. Глубоко вбитые колья легко отрывались от земли. В несколько минут поле боя оказалось расчищенным.

Измученный лось, между тем, успел передохнуть. Однако, положение его значительно ухудшилось. До сих пор забор мешал медведю кружиться вокруг ямы. Теперь поляна была свободна, и лось едва успевал поворачиваться, чтобы отражать нападения. Он почувствовал, что долго ему не выдержать. Смертельный удар был близок.

Медведь стал действовать осмотрительнее. Он осторожно подполз на животе к краю ямы, скаля зубы и вздрагивая при каждом движении лося. Вытянув передние лапы, он начал разрывать край ямы, перекинувшись на бок и зорко следя за противником.

Мягкая земля легко поддавалась, и хищник быстро приближался к своей цели. Неподвижность лося сделала медведя смелее.

Вдруг бревно, предохраняющее край ямы от осыпания, тяжело рухнуло вниз.

Враги испуганно вздрогнули. Медведь упруго отскочил назад, а лось, взмахнул в воздухе рогами, сде-

лал громадный прыжок вверх. Его голова и загривок вновь показались над ямой, и весь корпус животного обрушился на сделанный медведем пролом. В яме оставались только задние ноги. Напрягли последние силы, лось повалился на бок, отчаянно брыкаясь и взрывая землю.

В этот момент он был совершенно беспомощен, и медведь мог бы, наконец, легко овладеть им.

Но внезапное появление лося из ямы ошеломило хищника. Он в страхе отбежал на середину поляны. А когда через несколько мгновений медведь с торжествующим ревом бросился вперед, оказалось поздно. Минутное колебание врага спасло лося: одна из его задних ног была уже заброшена на край ямы. Легко вскочив на все четыре ноги, громадное животное взвилось на дыбы и в свою очередь ринулось на медведя, грозя новым оружием — острыми и твердыми, как сталь, копытами.

Медведь во-время увернулся от сокрушительного удара и поспешно скрылся в чаще.

Лось немного постоял на поляне, нервно вздрагивая и озираясь. Вскоре шерсть на его загривке опустилась, уши неподвижно повисли. Нервный подъем, собравший остатки его сил, прошел. Свинцовая усталость сковала тело. Он низко опустил голову и тяжело побрел в глубь леса, пошатываясь и спотыкаясь.

Жизнь была отвоєвана.

ТИГР НА АЛТАЕ

Балхаш ожил сразу. На берегах пустынного дикого озера открылись рыбные промысла, и сотни людей вспугнули вековую глушь тростников. Застучали топоры, зазвенели пилы.

Один за другим погибали в неравной борьбе с человеком старые хозяева камышей — тигры. Уцелевшие стали покидать родину. Хищники уходили по одиночке на восток, в далекие горы Китая. Сыпучие пески навсегда заносили цепочки следов громадных, кровожадных тигров Балхаша.

Наконец покинул тростники самый старый и самый большой из них. Его мощные лапы отпечатали на песке такие ямы, что даже бывалых охотников бросало в дрожь. Впрочем, его следы вели не к озеру, а от него.

Но тигр опоздал. Уже подули, понеслись весенние ветры. Песок густой тучей поднимался навстречу зверю. В его сплошной пелене солнце казалось остывающим красным шаром. Степь словно вымерла. Все живое попряталось от беспощадных песчаных бурь.

На следующий день тигр уже с трудом двигался вперед. Песок бил его в лоб, залеплял глаза, нос, уши. Горло пересохло. Хищник шел с тяжелым, горячим хрипом. И все-таки упорно шел навстречу ветрам.

Но бури не шутят. Недаром они заносят иногда к нам неведомых, чуждых птиц. Птицы сбиваются в по-

дете с пути. Так случилось и с тигром. Ослепленный и оглушенный, он незаметно для себя изменил направление. Итти стало легче. Кстати, он утолил и свой голод, найдя в сухих кустах саксаула степных рябков-сакжей. Птицы сидели в песке, спрятав головы под крыло. Немного для такого громадного зверя, но все-таки...

Через день буря стихла.

А тигр все шел и шел уже по новому направлению. Его круглые следы пересекали теперь степь, уходя на север.

Пески сменились холмистыми предгорьями южного Алтая. Повеяло свежестью гор.

Хищник бодро шел вперед. Рядом по степи бежала его тень.

И вдруг... люди. В логу землемер с рабочими рыли яму.

Один, с лентой в руках, оказался совсем рядом. Тень, падавшая от тигра, набежала на него. Человек преградил путь зверю...

Люди не успели опомниться. Глухой рев прокатился по холмам. Тигр присел для прыжка. Его мускулы сжались. Через мгновение мощное тело медью сверкнуло в лучах заходящего солнца. Дикий крик смолк в хрусте костей...

Путь был свободен.

Тигр большими скачками пронесся мимо людей, испуганно сбившихся в кучу. Бесцельно щелкнул сзади револьверный выстрел.

Долго и тяжело скакал зверь в неизвестную даль. Всю ночь бежал, не останавливаясь, и к рассвету оказался у подножья гор.

Здесь он укрылся в тростниках небольшого озера, еще не сбросившего ледяных оков.

В то же утро из степи в город полетела тревожная телеграмма.

Солнце только что поднялось. Словно позолоченные, горы еще курились синеватым дымком. Просыпались люди. Над долиной парили орлы-беркуты...

Старик-пастух выгнал к озеру стадо колхозного молодняка — телят и жеребят-однолеток.

Дед, кряхтя, уселся на пригорке и, щурясь на солнце, закурил. Ружье он прислонил к березе. Одноствольной шомполке столько же лет, сколько и деду. Вся она перетянута проволокой и ремешками. Курок привязан к скобе веревочкой. Сколько раз после выстрела он отлетал и терялся в траве.

Но старик словно не замечал этого. Только вчера вечером он убил утку. Ружье било без промаха.

Дед вспомнил об утке и полез в сумку за порохом: — Ружье-то, кажись, не заряжено. Как бы на грех не набежал кто. Ну, вот...

Внимание деда привлекли сороки. С отчаянными криками они кружились над кем-то за пригорком. Дед заинтересовался и заковылял туда.

Поднявшись на пригорок, старик оглянулся и остолбенел. В кустах полз никогда невиданный зверь — громадный полосатый кот.

На одно мгновение дед подумал, что это ему помешалось. Но нет. Зверь был рядом. Он явно подкрадывался к стаду.

Дед похолодел.

— Что делать?

А тигр уже дополз. Могучим броском он ринулся вперед на годовалого теленка. Страшным ударом лапы переломил хребет и сейчас же с громким урчаньем принялся рвать теплое мясо.

Сороки смолкли и расселись по кустам, ожидая своей доли. Высоко задрав хвосты, в ужасе понеслись в деревню жеребята и телята.

Дед пришел в себя. На его глазах зверь задавил и ест лучшего теленка в стаде!

— Что скажет председатель колхоза? Как теперь глядеть на бригадира?..

Дед пустился к березе. Схватил ружье. Дрожащими руками он всыпал в ствол два последних заряда пороха. Туго забил паклю.

Вдруг резнула мысль, что такого зверя дробью не убьешь. Нужна пуля. Тогда старик быстро вырвал из шапки клочок подкладки и закатал в нее дробь, обмотав ее на скорую руку нитками.

С трудом забил дед необыкновенный снаряд в дуло, надел пистон и потрусил за пригорок, низко согнувшись.

Тигр не ел двое суток. Опьянев от теплой крови и свежего мяса, он не заметил старика. И лишь когда тот подошел в упор, тигр грозно зарычал, весь остинившись. Дед остановился и поднял ружье. Но от бега руки еще тряслись, колени подгибались, и он никак не мог найти мушку.

Взбешенный тигр отпрянул назад и присел, готовясь к прыжку. Когти его лап глубоко вонзились в землю.

Дед нашел спуск.

Оглушающий выстрел разорвал воздух. Удар приклада сшиб старика с ног. Щека сразу заныла от резкой боли.

Все кругом заволкло дымом...

В городе звонили телефоны. Сотни людей говорили только о тигре.

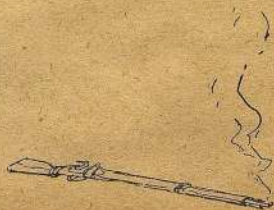
— Вы слышали новость?

— Неужели действительно тигр?

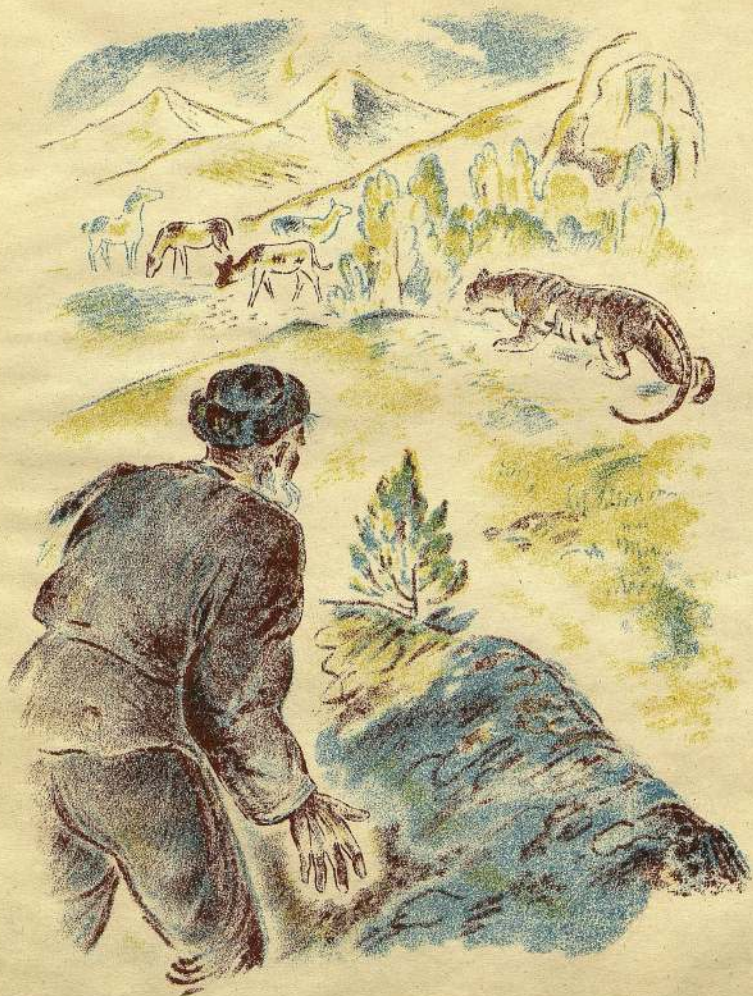
— На Алтае тигр?

— Ничего удивительного, ведь были же случаи захода тигров даже под Бийск и Барнаул!

Комната клуба охотников напоминала прифронто-

вый штаб. Спешно отдавались распоряжения, набивались патроны. Разрывные пули в магазине раскупались нарасхват.

К трехчасовому пароходу со всех концов города потянулись охотники. Никому не хотелось упустить редкую охоту и возможность прославиться, хотя каждый в душе и побаивался...

Перед заходом солнца, на берегу около небольшой деревеньки сошло с парохода человек тридцать прекрасно вооруженных охотников.

Но... они опоздали.

Недалеко от пристани, на бревнах у склада сидел дед с подвязанной щекой и что-то оживленно рассказывал. У его ног лежала свежая, аккуратно свернутая шкура тигра.

Городские охотники окружили старика. Впрочем большинство из них было втайне довольно, что не им пришлось встретиться со зверем.

ОШИБКА СТАРОГО ГУСАКА

Гуси остановились на отдых прямо посреди широкой, неоглядно разлившейся реки. Последний перелет над горами был особенно утомителен, и стая отдыхала, рассыпавшись по песку чуть заметной отмели. Одни лежали, спрятав головы под крылья, другие стояли или бродили, хлюпая клювами в грязной воде.

Старый гусак-предводитель стоял отдельно, поджав одну лапку и вытянув шею. Он весь — внимание. Малейшую опасность он заметит во-время.

Но кругом все спокойно. Солнце уже село за дальние острова. В весенних сумерках шумела только река, да с хрустальным звоном раскалывались мелкие льдинки.

С криком потянули на ночлег чайки. Закричали над логами чибисы, кувыркаясь в воздухе.

Высоко в небе просвистели крыльями утки.

Гусак зашевелился и подал голос. Стая встрепенулась. Гуси уже отдохнули и теперь приводили в порядок перья. Пора трогаться в путь. Сегодня ночью перелет будет закончен. Вожак приведет свою стаю на родину.

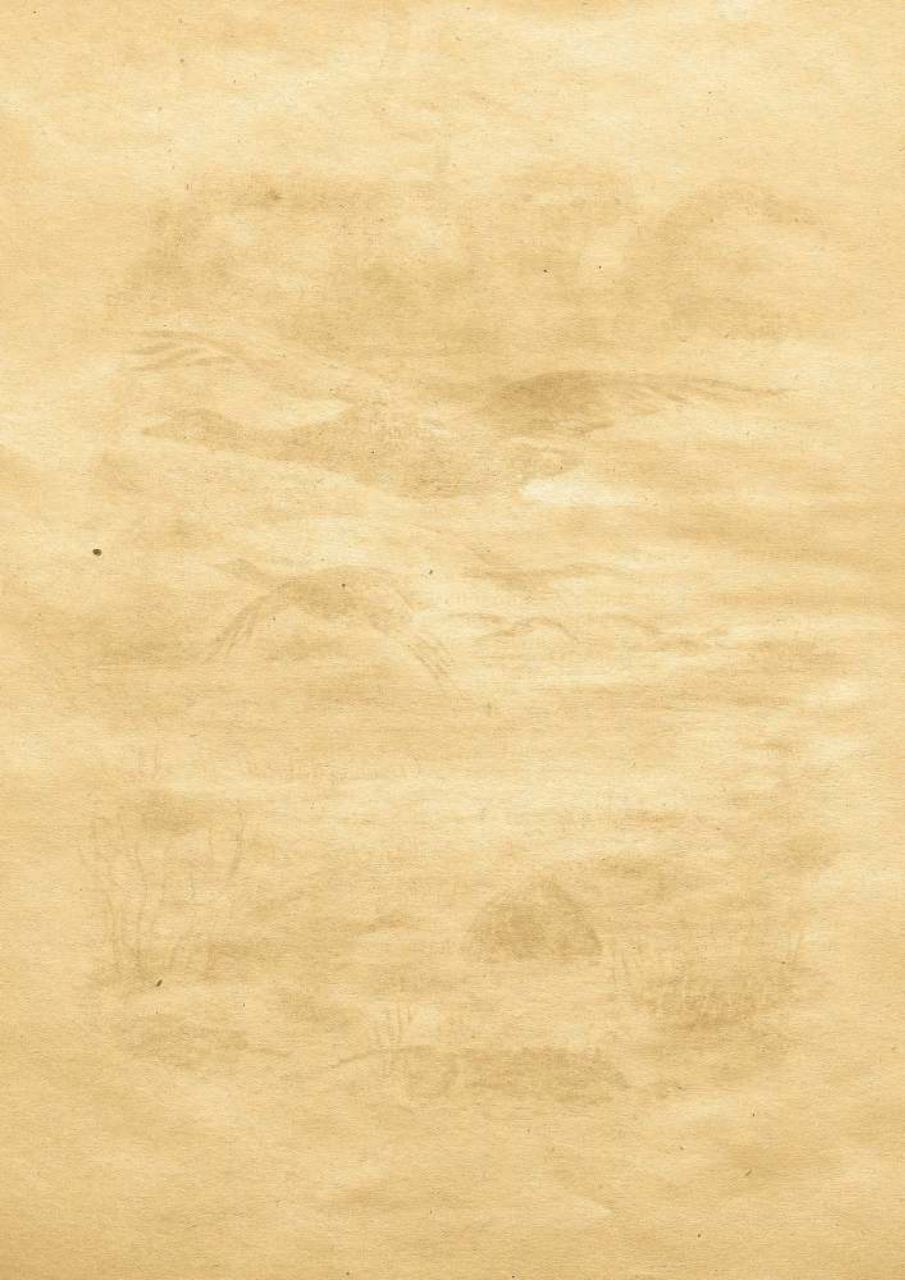
Далеко над водой пронесся призывный клич. Старый гусак первый взмахнул крыльями. За ним оторвались от песка остальные.

Гуси сначала летели над самой водой, но скоро стали подниматься выше и выше. Вот они уже построились

в треугольник. Вот уже смолкли их крики, и серые птицы исчезли в наступивших сумерках.

Стая летела всю ночь. Уже светало, когда гуси увидели знакомые Барабинские озера. На сотни километров белели они пятнами нарастающего льда. Желтыми колымами лежали вокруг них тростниковые заросли.

Ликующие крики понеслись к озерам. Стая начала снижаться.

Гусак никогда здесь не останавливался. Опускаться в тростнике можно, когда растает лед и болота станут непроходимыми для врагов. Надо было вести стаю дальше, на громадное, уже взломанное озеро. Там, на льдинах и отмелях, обеспечен спокойный отдых.

Но старый гусак на этот раз не выдержал. Он опускался все ниже и ниже.

Лучи солнца блеснули из-за горизонта навстречу гусям, слепя глаза. Еще немного и долгожданное озеро будет рядом. Уже близко шли прибрежные полосы тростников.

До стаи донеслись с озера крики других гусей. Птицы испуганно загоготали в ответ.

А на берегу в тростниках лежал человек. За утро он пропустил без выстрела уже много птичьих стай. Они летели высоко и снижались над самым озером, пролетев берег.

Охотник собирался уходить, когда крики низко летящей стаи заставили его снова растянуться между кочек.

Вожак заметил опасность слишком поздно. Его трубный тревожный крик покрыл голоса всей стаи. Могучими ударами крыльев он взмыл вверх, увлекая за собою гусей.

Но один за другим грянули два выстрела.

Тысячи гусей поднялись с озера. Стаи сорвались и потянулись на другие пески и льдины.

Только один старый вожак не полетел за всеми. Распластав подбитые крылья, он быстро опускался на лед. Свинцовая тяжесть давила тело. В горле клочкотал предсмертный хрип. Потускневшими глазами гусь в последний раз взглянул в даль родного озера. Оттуда еще доносились встревоженные крики его стаи.

НА ОТСТОЕ

Маралы спокойно паслись на южном склоне горы. Ветви кустарников и жесткая сухая трава среди камней привлекли сюда горных красавцев. Живописными группами они разбрелись кругом.

Длинные тени животных под косыми лучами зимнего солнца бежали вниз, до камней россыпи и обломков скал.

Маралы так увлеклись травой, что даже не заметили двух пар глаз, жадно следивших за каждым их движением.

Волки!

Два зверя лежали в засаде, остальные волки выводка стаей неслись в обход горы, увязая в глубоком снегу соседнего ущелья.

Маралы уже кончили кормежку и стали собираться вместе, чтобы двинуться на ночлег, когда сверху показались волки.

Тревожно фыркая, животные бросились врассыпную вниз, туда, где лежали в засаде два хищника.

Громадный старый рогач налетел прямо на волков. Они не сумели задержать тяжелого марала, и он прорвался. Звери бросились за ним.

Другие маралы тем временем спустились на дно долины, где сверкала чистым льдом недавно замерзшая речка. Животные сгрудились в кучу, не решаясь броситься вперед, и кинулись вдоль берега.

Волчья стая взяла наперерез и почти сразу догнала маралов. Но за поворотом река не замерзла. В этом было спасение стада. Маралы смело бросились в ледяную воду, быстро перебрались на другую сторону и скрылись в лесу.

Звери завизжали, запрыгали на берегу.

А в это время два волка из засады прижали к самой реке отбившегося от стада рогача-марала.

Насторожив уши, он прыгнул на лед. В следующий миг его ноги поползли в разные стороны. Животное грузно повалилось на бок, делая отчаянные попытки вскочить.

Легко и быстро, почти не скользя, понеслись волки по льду, балансируя хвостами. Из-за поворота с радостным визгом уже мчались остальные звери.

Но еще тонкий лед на середине реки не выдержал тяжести большого животного и двух волков. Треск, — и звери оказались в воде.

Теперь все преимущество было на стороне марала. Он вскочил на ноги и по брюхо в воде бросился к противоположному берегу, ломая остатки льда.

Для волков река была слишком глубока. Быстрое течение швырнуло их вниз вместе с обломками льда.

Марал же помчался по лесу, утопая в глубоком снегу.

Однако, сзади уже торопились по свежему следу волки. Все ближе и ближе слышалось их взвизгивание. Они тонули в снегу меньше, чем марал с его острыми копытами.

Долго так продолжаться не могло. Напрягая силы, марал подвигался по лесу к скалам. Там, среди камней южных склонов, почти нет снега. Там волки не страшны.

Вот, наконец, замелькала и опушка леса, уже совсем рядом чернели среди снега каменистые россыпи и скалы.

Увидев ныряющего в снегу марала, волки с удвоенной энергией ринулись вперед, лязгая зубами. Но копыта животного уже почувствовали твердую опору. Марал взвился на дыбы и легко понесся с камня на камень.

Волки опоздали всего на несколько прыжков. Опустив головы, жадно нюхая следы марала на камнях, они бросились вслед за ним, скользя и обрываясь на каменной россыпи.

Ложбина на пути опять-было задержала животное глубоким снегом, но он успел перебраться через нее как раз к тому моменту, когда волки показались сзади, на противоположной стороне ложбины. Марал снова исчез в темноте.

Он бежал не куда попало. Прыгая с камня на камень, он все выше и выше поднимался в гору, туда, где осенью не раз спасался от волчьих зубов на высоких неприступных вершинах утесов-отстоев.

Так вышло и сейчас. Марал взлетел на вершину одинокой скалы, нависшей над пропастью. С трех сторон отвесные скалы уходили вниз, в черный мрак ночи. Только с четвертой волки могли, прыгая с камня на камень, по одиночке взобраться к нему на площадку. Но ни один зверь не сделает этого, так как удары рогов и острых копыт безошибочно сбросят в пропасть каждого, кто вздумал бы подняться по этому пути.

Волки заскулили под скалой, сверкая зелеными огоньками глаз.

Близился рассвет. Свернувшись, лежали хищники в снегу под скалой, спинами к ветру, прикрыв морды и животы своими пушистыми хвостами. Только огоньки глаз да чутко настроженные уши подсказывали, что волки не спят.

А наверху, на открытой площадке стоял марал. Сорокаградусный мороз и резкий ветер делали свое: тепло, разогретое бешеной скачкой, покрылось коркой инея. Голова понуро опустилась вниз. Ноги подгибались. Замерзшее животное не могло переступить с ноги на ногу и только вздрагивало, приседая и снова поднимаясь на полусогнутых коленях. Глаза его были полузакрыты.

Вдруг марала так качнуло в сторону, что он чуть не слетел в пропасть. На несколько минут он пришел в себя, но скоро опять его голова стала опускаться все ниже и ниже...

С грохотом посыпались камни. Марал сорвался прямо в середину стаи голодных волков.

ПОД ЗАЩИТОЙ КЕДРА

Старик Калиныч, лесной об'ездчик, возвращался к себе на кордон из дальних кварталов. Он шел пешком.

Калиныч знал тайгу, как свои пять пальцев, и шагал напрямик, без дороги.

Овраг. Лесной пригорок. Вот знакомый ручей. От него до дому рукой подать.

И вдруг старик насторожился. Вода в ручье бежала мутная, как будто выше по течению кто-то копался в земле.

— Не медведь ли залег, спасаясь от жары?

Калиныч взял в руки ружье, взвел курок и осторожно двинулся дальше. Каждый шорох заставлял его вздрагивать. Встреча с мишкой все-таки не шутка. На дробовое ружье надежда плохая.

Два-три бесшумных шага вперед, и опасения лесника оправдались. Он в упор столкнулся с двумя медвежатами. Малыши возились друг с другом на самом краю небольшой поляны.

Как два пушистых шарика метнулись звереныши в сторону и цепко полезли на дерево. Один чуть не сорвался и жалобно заверещал.

Старик бросился бегом через поляну, напрягая силы. И все-таки опоздал. Медведица услышала визг и стремительно выскочила из воды. В несколько секунд зверь оказался на поляне.

Шерсть встала дыбом на загривке медведицы. Маленькие глаза загорелись острыми злыми огоньками.

Глухо рыча, зверь ринулся на человека.

Лесник прислонился спиной к громадному толстому кедру и поднял ружье. Заряд дробы прямо в морду должен был ошеломить зверя.

Вот медведица уже в нескольких шагах, и курок спущен. Слабый, беспомощный щелчок резнул ухо старика.

— Осечка!

Страшный удар вышиб из рук старика ружье, как соломинку. Только фуражка, брошенная в морду зверя, на миг отвлекла его и дала возможность Калинычу спрятаться за дерево.

Началась безумная игра. Зверь облапил кедр, но ствол был настолько толст, что человек оставался за ним невредимым. Царапая кору, рыча и фыркая, медведица кидалась на лесника, но он успевал увертываться, не отрывая глаз от движений зверя. Он знал, что малейший неверный шаг будет стоить ему жизни.

Однако, долго тянуться такая игра не могла. Все труднее и труднее становилось дышать. Все тяжелее наливались усталостью ноги. Все ближе подходила медведица. Жизнь Калиныча висела на волоске.

Зверь давно бы схватил своего врага, если бы не вставал на задние лапы, на которых он был не очень поворотлив.

К счастью лесника, такая игра была тяжела и медведице. Полуденный зной уже истомил ее. Язык далеко высунулся из раскрытой пасти, тело горело под теплой шубой.

Зверь так же стремительно прекратил погоню, как и начал ее. Медведица сердито рывкнула и отошла на середину поляны. Там, в тени березы, она растянулась на траве, не спуская глаз с человека.

— Отдохнуть решила! — понял Калиныч.

Медвежата все еще сидели на вершине дерева и жалобно скулили.

Лесник перевел дух.

— Но что же делать?

Отойти от кедра немислимо. Взбираться на него бесполезно, так как медведица моментально догонит его там и сейчас же сбросит на землю.

Ждать? Но чего? К вечеру жар спадет, и зверь быстро загоняет старика.

Надежды на то, что медведи сами уйдут с поляны, мало. Медвежата перестали ныть. И устраивались на дереве поудобнее, явно готовясь просидеть там сколько угодно.

Положение безвыходное. Помощи ждать неоткуда.

Случайно взгляд старика остановился на ружье. Ствол его торчал из травы в шести-семи шагах от кедра.

В первый момент лесник хотел сразу же броситься к ружью и, схватив его, снова спрятаться за кедр. Но это было рискованно. Зверь лежал слишком близко, и малейшая задержка грозила гибелью.

Один за другим мелькали планы. Наконец, Калиныч остановился на одном. Осторожно снял рубашку, разорвал ее на тонкие полоски и связал из них веревочку. Затем разрядил несколько патронов, а дробь завязал в тряпочку, прицепив ее к концу веревки.

Высунувшись из-за кедра, старик незаметно бросил груз на торчащий в траве ствол. Неудачно. За первой попыткой последовала вторая и третья. С каждым броском Калиныч все дальше высовывался из-за дерева.

Медведица ошетилилась и села. Пришлось охоту за ружьем прекратить до тех пор, пока зверь снова не уляжется в тени.

В конце-концов груз перекинулся через ружейный ствол и несколько раз обернулся вокруг него. Лесник осторожно потянул оружие к себе.

Ближе, ближе...

Холодный пот прокатился струйкой по спине лесника: ствол был согнут в дугу и оторвался от треснувшей ложи, держась на одном винте. Курка не было совсем. Не ружье, а никчемная палка.

В безнадежном отчаянии лесник опустился на землю и стал ждать конца. Больше защищаться нечем. Нельзя же назвать оружием резиновую пращу и горсточку галек в кармане для стрельбы из нее. Конечно, на своем месте праща была хороша, тем более, что старик в совершенстве владел ею и без нее никогда не выходил в тайгу. Бурундуков на весеннем промысле он добывал именно пращей, а летом почти без промаха бил ею молодых рябчиков.

Но медведица — не рябчик.

Минуты проносились одна за другой, как опоздавшие перелетные птицы поздней осенью. И с каждым мгновением угасала последняя, слабая надежда на то, что медведи все-таки уйдут.

Жара начала спадать. Солнце скатывалось все ниже и ниже в зеленую щетину тайги. Послышалось пение птиц. Для старика это пение звучало похоронным маршем.

Медвежата к вечеру проголодались и опять заскулили. Медведица тяжело встала, подошла к ним под дерево, громко фыркнула.

Потом повернулась опять к своей березе и наткнулась на фуражку лесника, которую сама же отбросила в сторону во время первой своей атаки. Шерсть по-прежнему поднялась дыбом на загривке зверя. Фуражка разлетелась мелкими клочьями по поляне. Медведица свирепела с каждым мгновением. Еще немного и она бросится к кедру.

И вдруг легкая тень пронеслась по поляне. Огромный орел-беркут кружил над лесом.

Перед стариком внезапно блеснула надежда на спа-

сение. Только бы заставить одного из медвежат зашевелиться на дереве. Беркут заметит его и тогда..

Калиныч выхватил из кармана пращу. Первая же галька ударила одного из медвежат в ступню задней лапы. Вторая и третья пролетели мимо. Зато четвертая угодила прямо в морду звереныша. Медвежонок взвизгнул и быстро полез на самую вершину дерева. А гальки так и свистели кругом, ударяясь в ветки.

Покачнувшись, медвежонок испуганно заверещал.

Резкий шум падающей птицы рассек воздух. Беркут кинулся из-под облаков на добычу. С налета, одним могучим ударом груди он сшиб медвежонка с дерева и, подхватив лапами, понес над тайгой. Второй звереныш кубарем скатился вниз и с громким визгом бросился к матери.

Медведица грозно заревела. Секунду помедлив, она кинулась в бешеную, но бесплодную погоню за беркутом. За ней заковылял и медвежонок.

Затрещала таежная чаша. Путь перед Калинычем был свободен.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Марал — горный сибирский олень. Как у всех других оленей, рога у него каждый год отпадают и снова вырастают. Молодые незатвердевшие рога называются пантами и очень дорого ценятся, так как являются прекрасным лечебным средством. Ради них маралов держат в больших загородках — маральниках.

Диких маралов стреляют на солонцах, т. е. на тех местах, где на поверхность земли выступает соль, которую маралы приходят лизать по ночам. Раньше маралов, кроме того, подкарауливали во время их перекочевок в Монголию с летних пастбищ на зимние.

Сейчас на Алтае диких маралов осталось немного и они уже не кочуют с места на место, а живут круглый год в одном районе — на белках (так называются недоступные вершины гор, покрытые вечным снегом). Охота на маралов в СССР воспрещена.

² Аил — алтайский поселок.

³ Арака — водка, приготовленная из кислого молока.

⁴ Браконьер — человек, занимающийся запрещенной охотой.

СОДЕРЖАНИЕ

Белый марал	5
Ночь в тайге	24
Тигр на Алтае	33
Ошибка старого гусака	38
На отстое	41
Под защитой кедра	45

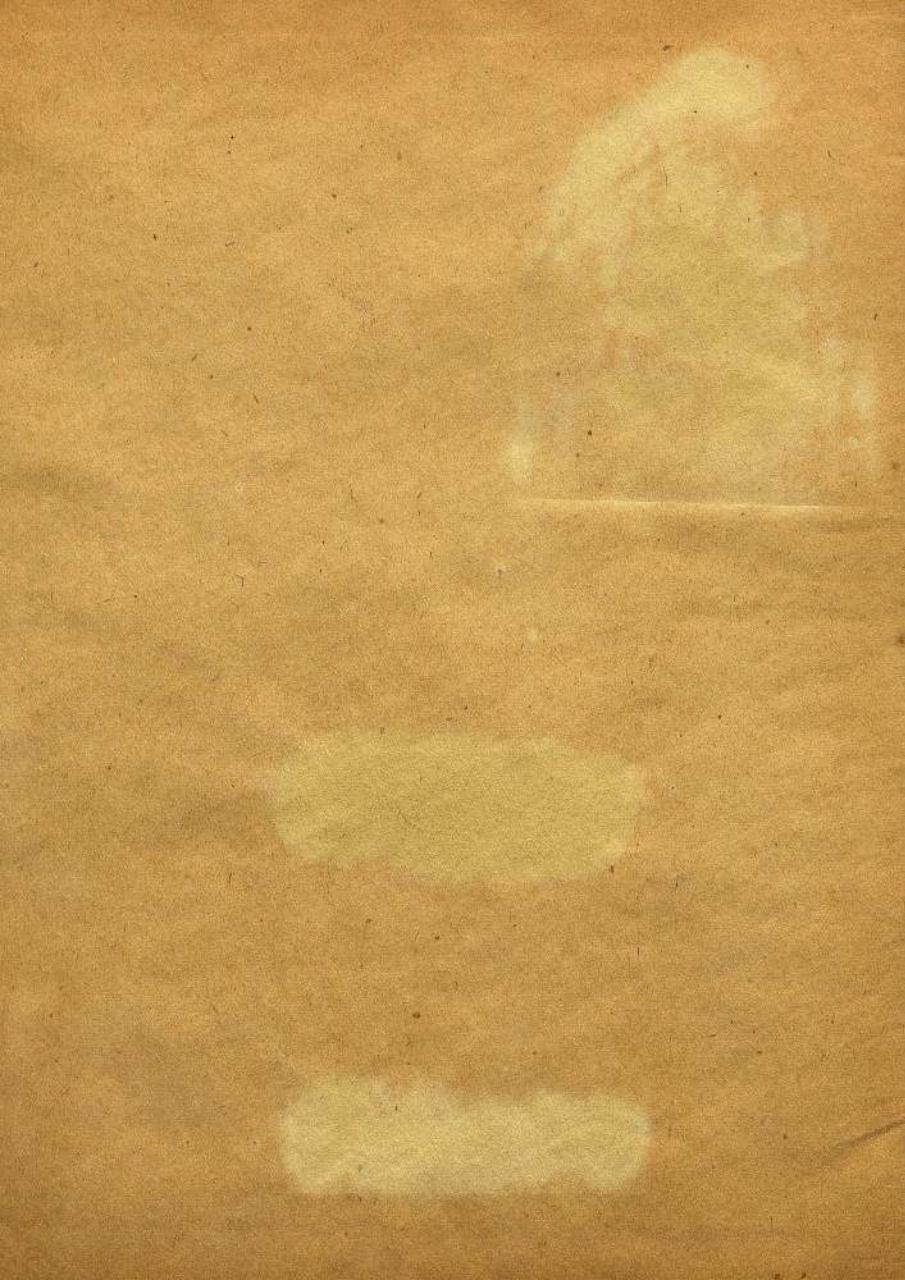
Р Е Б Я Т А !

Пришлите свои отзывы об этой книге по адресу: Новосибирск, Коммунистическая, 1, Западно-Сибирское Краевое Издательство. Сектор детской литературы.

58444

НАУЧНАЯ СБОРНИКА
ДОМА ДОТОВОЙ ЧИСТЫ
ДЕТЯМ

2p 75k

2 руб. 75 коп.

200→